

Роман Александра Лыскова «Красный закат в конце июня»¹ тянет, не побоюсь этого утверждения, на Нобелевскую. Книга, на страницах которой описана повседневная жизнь людей 14-ти поколений одного поселения Русского Севера, имеет все необходимые для того предпосылки. Парадоксально? Только на первый взгляд! Можно посмотреть аннотацию, умилиться замыслу, всплакнуть над оглавлением (от переизбытка добрых чувств, конечно), затолкнуть книжечку на полку (втискивайся, кирпич!) и ... забыть. Точнее, полагать в спокойном довольствии: вот он, редкий шедевр современной литературы. Об этом нам доверчиво сообщает сам автор в 14-й главе: никто не догадался «погрузиться в вековечное бытие мужика», «ни у кого до сих пор не возникло мысли написать историю одной! конкретной! деревни с первой расчистки и до растворения в лесах». Кроме того, слух всех других писателей, по мнению Лыскова, «замыливался от постоянного гула православных колоколов в их же романах или грохота имперских пушек». Что же, обратимся, наконец, к самому произведению, в котором, как нам обещано, не будет ни песен дальних колоколен, ни вербы в узорчатом ок-

ладе старинной иконы, ни прочего глянца народной жизни.

Скажу честно, как читателя меня сразу насторожило и расстроило обилие авторских примечаний. Целые страницы курсивного текста, так называемого исторического экскурса. Каждое, даже малейшее, сплетение сюжета Лысков тщательно разжевывает, потом выплевывает получившееся серое месиво в ложечку и протягивает нам: «Ешь!» И ты должен это проглотить. В эти примечания входят не только пояснения исторического характера, но и всяческие расшаркивания перед читателем.

«Скажет: не верю!.. — переживает писатель. — Надо считаться с такими людьми. Попробую уважить. Внушить доверие. Цветную картинку сделаю черно-белой».

Когда перед тобой оправдываются за тот или иной художественный образ, его уместность в смысловой ткани произведения, возникает противоположная ситуация — недоверие. Ведь подлинный, живой характер не нуждается в авторских пояснениях. Своей изобразительной точностью, полнотой звучания, он может превышать не только замысел писателя, но и одномерную правду сухих цифр и статистики.

Впрочем, закроем глаза на этот досадный промах. Ну, не было рядом друга или опытного редактора, который бы посоветовал оставить лишние записи в черновиках, не позориться размышлениями об уникально-

¹ Александр Лысков. Красный закат в конце июня. — М.: Издательский дом «Сказочная дорога»; Архангельск: Библиотека журнала «Двина», 2014. — 520 с.

сти собственного замысла. Пусть об этом скажут другие! Сама книга! Или автор в каком-нибудь эксклюзивном интервью приоткроеет сию страшную тайну...

Забудем, и обратимся к самому историческому действию, пройдем весь путь — от заселения в 1471 году славянами земель финно-угорских народов до исчезновения этого села. Каждая часть романа основана на биографии конкретного человека и озаглавлена его именем.

Первая часть — уютная. Если бы мне предстояло ехать на необитаемый остров, я бы, пожалуй, взяла с собой книгу Лыскова. Хороша конкретика обустройства славян на новом месте, выполненная в добрых традициях старого «Робинзона Крузо». Вот, например, Синец добывает соль, делает в лесу специальную варницу, а его жена Фимка выпекает на новом месте первый хлеб. Своеобразен и язык первых поселенцев.

К сожалению, на этом достоинства прозы заканчиваются. На страницах романа можно будет найти еще некоторые удачные моменты, связанные с конкретными описаниями, внимание к деталям быта той или иной эпохи, редкие слова. Если же мы копнем чуть глубже, обратимся к самому главному, к характеру героев, то, увы, вместо живого открытого лица — столкнемся с мертвенной усмешкой Зергеля.

Про Зергеля мы узнаем из книги Лыскова, когда читаем о традициях финно-угорских племен. Зергель создавался так. «Выбирали слабоумного, поили его отваром мухомора и багульника. Человек впадал в кому. Затем его отпавляли кровью оленя с козым молоком. Он обретал способность двигаться, но напрочь лишался рассудка. Шатался по лесам, как ходячий оберег». Так искусственно выводился человек, напрочь лишенный собственного внутреннего мира. Ходячий покойник.

В литературе бывает то же самое. Если автор, усердствуя, отпавляет героя крепким настоем собственных мыслей и убеждений, то получается... Зергель. Чем это чревато? Герои становятся деревянными, неживыми. «Даже у меня, автора, иной раз возникает недоверие к игре в слова, так называемая художественность или картинность, сценичность, киноподобность воссоздаваемой истории», — вопиет автор в комментариях.

Что же, Александр Павлович, вы правы! К художественности такого сорта возникает недоверие и у нас. И, раз уж невозможно вытянуть образ из плена схематичности — обратимся к комментариям. Возможно, мы ошибались, и соль-то запрятана именно в них? А все эти картинки, картонные героичурочки даны лишь как украшение, приложенье к глубоким размышлениям писателя, и не более того...

Теперь, помучившись с однокой толпой из Зергелей, я приступаю к примечаниям, как к последней надежде. Собственно, почему бы и нет. Курсивный текст — это пояснение к основному действию, попытка вдунуть жизнь в своих героев. Что-то вроде капельницы над лежащим в глубокой коме Зергелем, по трубочкам которой струятся авторские раздумия. Еще чуть-чуть — и забегит по венам искусственная кровь.

Вот несколько ее основных направлений. Писатель намеренно противопоставляет жизнь села и историю Государства Российского, бытие крестьянина и «политических звезд». На наш взгляд, такое разделение неправомерно, хотя и насаждалось во времена воинствующего коммунизма. Для истории Повседневности важно все. И если автор претендует на «народный роман», то жизнь князей и других сословий тоже имеет большое значение. Народ — это цельный, живой организм, категория соборности играет здесь не последнюю роль. Да, невозможно объять необъятное. Но, как минимум, здесь неуместно постоянное ерничанье автора, когда он вспоминает о существовании других сословий. «А чем же в эти январские денки заняты были светочи-то наши исторические, каждый шаг-вдох которых обязаны были фиксировать платные писцы?» Во-первых, не каждый шаг. Ой, далеко не каждый! Во-вторых, политическая история государства никак не противостоит крестьянской. Не стоит обольщаться. Русская история сплетается из самых разных судеб. В том числе, и царских. И она едина, вот что самое главное.

Раздроблен по Лыскову не только наш исторический опыт, но и национальный. Оказывается, «мирность» славян по отношению к коренным народам — миф. «Потому что итог ее (мирности — А. Ч.) едва ли не такой же, как у кровавой конксты. В конце кон-

цов, все равно один народ поглотил другой. Возвысился. Стал единовластным распорядителем территории. Подмял под себя аборигенов. Пресек естественный ход их развития. Заглушил язык». Думаю, образованным читателям нет необходимости напоминать последствия конкисты, к которой приравняется мирное освоение славянами новых земель... «Большой брат заложил мину замедленного действия под свое будущее. Самый малочисленный зависимый народ живет мечтой о свободе», — констатирует автор. Что же, сейчас самое время идти на митинг и кричать: «Свобода, свобода!» Разделить Россию на множество мелких государств. Бывала я и в российской глубинке, жила в отдаленных деревнях, много общалась с представителями малочисленных народов. То, о чем пишет Лысков — очередная западная пропаганда. Она может вызвать сочувствие лишь у человека, весьма поверхностно знакомого с русской историей. В короткой рецензии нет возможности объяснить, почему мечта о самостоятельности и отделении от всей большой России чужая для населяющих ее народов, хотя вам этого так хотелось бы! Впрочем, чудо нашего единства (а это именно чудо!) непостижимо для тех, кого корежит от «постоянного гула православных колоколов». Отсюда и вытекает вся дальнейшая демагогия. Я уже не удивлялась, когда читала комментарий о просвещении язычников. «Это была первая проповедь отца Паисия среди угорцев. Первые слова Православия на берегах Пуи и Суланды. Первый трагический удар по коренному народу». Почему трагический? Благодаря просвещению местные народы об-

рели письменность, у них появилась возможность дальнейшего развития самобытной культуры. Православие несло мир, красоту и целомудрие. А вот языческие ритуалы не были такими уж милыми и безобидными, как их описывает Лысков.

Эти и многие другие несуразности можно объяснить не только тяготением к неоязычеству, но и пренебрежением подлинными историческими источниками. А что можно ожидать, если решающую роль в осмыслении ключевых исторических событий играют... ресурсы интернет-сайтов. Ни один серьезный исследователь не станет черпать факты из сомнительных и непроверенных источников. (А в сети 90 процентов материалов именно такого характера). Для Лыскова же Интернет стал своего рода путеводителем. «Интернет распахнул двери к кладовым истории» — сообщает он в последней главе.

А ведь книга презентовалась как роман о Русском Севере. Да и сам автор обещал, что роман его, де, будет покруче прозы Чехова и всех прочих писателей вместе взятых. Это и есть самое страшное — когда в красивой оправе благородного замысла нам в очередной раз подают ложь...

Впрочем, подобные идеологические установки — русофобия, антиправославная направленность, стремление обнаружить раздробленность единого народа на мелкие этнические группы — вполне достаточны для того, чтобы вызвать интерес в кругах нобелевских экспертов.

Вот тебе, бабушка, и «Красный закат в конце июня».